

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

**150 ЛЕТ
ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ
В СИБИРИ**

Материалы региональной научной конференции
посвященной 150-летию издания в Сибири
«Губернских ведомостей»

19–20 апреля 2007 г.
г. Томск

**Томск
2007**

УДК 94+070(571.1/5)
ББК 63.3+76.12 (2P51)
С 81

150 лет периодической печати в Сибири: Материалы региональной научной конференции, посвященной 150-летию издания в Сибири «Губернских ведомостей» (Томск, 19–20 апреля 2007 г.). – Томск: Изд-во «ТМЛ-Пресс», 2007. – 294 с.

ISBN 5-91302-002-2 (978-5-91302-002-4)

Сборник содержит доклады и выступления, подготовленные к региональной научной конференции «150 лет периодической печати в Сибири», приуроченной к началу выхода в свет в 1857 г. Тобольских, Иркутских, Енисейских и Томских «Губернских ведомостей». Основными направлениями работы конференции являлись: история возникновения и развития периодической печати в Сибири во второй половине XIX–XX вв.; взаимоотношение сотрудников и издателей газет с властью; социальная, политическая, экономическая и культурная жизнь региона на страницах сибирской периодики; проблема сохранения сибирских периодических изданий в библиотечных фондах.

УДК 94+070(571.1/5)
ББК 63.3+76.12 (2P51)

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук С.А. Красильников,
д-р ист. наук А.Н. Жеравина,
канд. ист. наук В.В. Шевцов (отв. редактор)

Конференция и издание сборника материалов подготовлены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 06-01-00317а)

В оформлении обложки использованы газеты, хранящиеся в фондах Научной библиотеки Томского государственного университета

ISBN 5-91302-002-2
(978-5-91302-002-4)

© Авторы статей. Текст, 2007
© В.В. Шевцов. Редактирование, 2007
© Томский государственный университет, 2007

Д.Н. Шевелев

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ СИБИРИ О ЗАДАЧАХ И СОДЕРЖАНИИ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ ЛЕТОМ–ОСЕНЬЮ 1919 г.*

В первые месяцы после свержения Советской власти первоочередные задачи (формирование государственного аппарата и боеспособной армии), стоявшие перед Западно-Сибирским комиссариатом, а затем Временным Сибирским правительством отодвинули на второй план организацию пропагандистской работы среди населения. Первоначально, зло «большевистского ига» казалось руководителям антибольшевистского движения столь явственным, что доказывать населению необходимость борьбы с ним, по их мнению, просто было необязательным. «Сначала, – замечает американский историк П. Кенез, – довольно глупо, они полагали, что зло их врагов, большевиков, очевидно, и потому все добропорядочные русские будут считать своим долгом оказывать им сопротивление»¹. Отсюда стойкая убежденность, что большевизм явление временное, мимолетное, «максимум на две недели» и достаточно легковесное отношение к долговременным пропагандистским стратегиям.

Мало что изменилось в отношении к пропаганде с приходом к власти адмирала А.В. Колчака. Как писал товарищ министра иностранных дел колчаковского правительства И.И. Сукин: «Правительство на первых порах встретило мощную и активную поддержку со стороны общественных кругов. Почти все группы населения Сибири смотрели на него как на освободительную власть. Казачество, столь многочисленное в Сибири, было первым его сторонником. Затем шли кооперативные организации, весьма сочувствовавшие первому Сибирскому Правительству и выразившие затем готовность дать свою поддержку Колчаку. Такую же позицию занимали земства и города, сделав это, впрочем, несколько условно, а именно: все время напоминая об обещаниях, сформулированных в манифестах Колчака и требуя их проведения в жизнь. Правительство имело на своей стороне весьма сильную организацию Военно-Промышленного Комитета, который в первые месяцы играл выдающуюся политическую роль. Наконец, даже рабочие держали себя лояльно, а некоторые профессиональные союзы выражали открытую симпатию Правительству. Политические партии, почти все без исключения, поддерживали Колчака: кадеты, социал-демократы группы

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 06-01-00317а.

«Единство», эсеры, воленародовцы, Союз Возрождения – все были готовы содействовать новой власти».

Первоначальное общественное признание и поддержка режиму (или призраку таковых) служили для колчаковского руководства дополнительным аргументом в пользу того, что целенаправленная идеологическая работа и организация пропаганды есть нечто маловажное и второстепенное. К тому же, как считали многие представители белого движения считали «пропаганду» и «агитацию» чем-то, присущим исключительно большевикам (как целенаправленное «одурманивание масс») и уже, поэтому для них неприемлемыми.

Лишь начиная с весны–лета 1919 г., идеологи правого крыла сибирской контрреволюции пришли к пониманию всей сложности работы в области пропаганды и, в какой-то мере, отказались от довлевших ранее догм, шаблонов и оптимистических прогнозов. В периодической печати начинают регулярно обсуждаться возможные контрмеры. «Работы по дезинфекции тыла, – писала «Сибирская речь», – должны вестись в двух направлениях: в области информации населения и пропаганды в ее среде здоровых государственных идей и в области борьбы с антигосударственными элементами, вылавливания гнилостных, разлагающих бактерий». В борьбе с большевистской агитацией, считал автор, приемлемы любые меры, в том числе материальное стимулирование. «Нужно реально, существенно заинтересовать каждого гражданина в поимке неприятельского агента. В крайнем случае, не надо останавливаться ни перед чем, *вплоть до назначения крупной денежной награды за доставку властям безусловно уличенного в пропаганде большевистского агента* (выделено в тексте. – Д.Ш.)»².

Пресса разъясняла вред, приносимый распространением панических слухов и сплетен, доказывала их вздорный и «провокационный» характер. С этой целью публиковались разнообразные советы о том, как следует реагировать на слухи. Чаще всего газеты старались представить, что подобная информация исходит от лиц, не имевших никакого отношения к идеологическому аппарату, «сторонних наблюдателей». Разъяснение велось от имени беженцев, крестьян, фронтовиков и т.д. «Прежде всего нужно быть спокойным, – говорилось в одной заметке, автором которой выступал некто «Деревенский», – и вместо того, чтобы слуху поверить, надо его проверить. Нужно поговорить с таким лицом, которое опытнее и хорошо в делах разбирается, нужно читать газеты. Газета никогда не станет распространять нелепостей: ей посылают сведения по телеграфу и в письмах, и кто посылает, газета всегда знает... Вообще, теперь нужно быть очень осторожным к слухам, и помнить,

что много слухов пускается большевиками для того, чтобы тревожить население, мутить покой»³.

Особую тревогу у омских правящих кругов вызывала прокатившаяся в тот период по Сибири волна крупных крестьянских выступлений. По версии колчаковских пропагандистов, распространившейся в официальной периодической печати, эти восстания не имели ни реальной причины, ни поддержки населения, а являлись следствием целенаправленной большевистской провокации. «Все эти большевистские вспышки, имевшие место за последнее время в пределах Сибири, – указывалось в газете «Русская Армия», – есть результат работы предателей и большевистских агентов. Не останавливаясь ни перед какими средствами и имея привычку действовать из-за угла, они прибегают к своему любимому способу действий – к провокации». Автор данной статьи предостерегал население от участия в подобных выступлениях, подчеркивая, что «расплачиваться за это приходится темным, малосознательным массам», подавшимися на «провокационную удочку», в то время как «вожаки и организаторы этих восстаний» обыкновенно успевают скрыться значительно раньше, чем наступает час возмездия»⁴.

Идеологический аппарат Колчака стремился выработать у населения своего рода иммунитет к большевистской пропаганде. Создаваемый при этом «образ врага» складывался как бы из двух частей: пресса старалась не только заклеймить, окружить ненавистью, наделить отталкивающими обывателя чертами самих агитаторов – врагов явных, но и поддерживала в глазах общественного мнения отрицательный имидж «их пособников» – распространителей слухов и паникеров. «Горе тому, кто жадно бросается на каждый обман, на каждое сообщение, выгодное красному врагу!.. Всякая провокация, каждая утка, выпущенная врагом, бьет, прежде всего, нас же самих! Нужно доверять только самим себе, нужно идти неуклонно вперед, не задумываясь и не утешая себя лживым туманом провокации... Привет всем бодрым, мужественным, стойким! Позор всем, живущим слухами и обманом!»⁵ – писала в октябре 1919 г. газета «Надежда России».

Однако, главное место в «дезинфекции тыла», по мнению сибирских газет, должна была занять осведомительная работа среди населения, прежде всего, в сельской местности. Так, говоря о том, что для прекращения крестьянских выступлений наравне с карательными акциями и репрессиями необходимы также действия, направленные на «устранение причин», «Сибирская речь» отмечала: «Единственной кардинальной мерой в этом направлении является правильная постановка дела информации деревни. Достигнуть этого можно как распространением в деревне возможно большего количества газет и литературы, так и массовой посылкой

специального кадра информаторов и агитаторов, вербуемых, хотя бы из числа мобилизованной интеллигенции. Устная агитация положительно необходима. Никакая газета, никакая брошюра не заменит живого слова».

В то же время, признавая ту несомненную пользу, которую может принести деревне «интеллигент-агитатор», автор статьи считал такую меру недостаточной, аргументируя это тем, что к «интеллигенту-барину» крестьянство относится не с таким доверием, как к своему «брату-мужику». Поэтому, полагал он, «надо посылать, обставив эти поездки известным контролем, в самые глухие деревни специально для этой цели мобилизованных крестьян и рабочих, беженцев Пермской и Вятской губерний, самолично испытавших ужасы большевистского режима». Говоря о принципах организации устной агитации, автор особо настаивал на материальном поощрении разъездных пропагандистов. Всем агитаторам, как «мобилизованным», так и из числа добровольцев, указывалось в статье, «должны, конечно, даваться соответствующие их тяжелой работе (оклады) содержания, так как опыт показал, что одной филантропии и идейности в этом деле далеко не достаточно»⁶.

Материалы прессы того времени показывают как, по сравнению с предыдущим периодом, менялось само отношение к проблеме агитации и пропаганды. Официальная периодическая печать призывает к усилению агитационных мер. «К делу пропаганды, – указывалось в одной из газет, – должны быть привлечены все средства, имеющиеся в нашем распоряжении... Почему бы нам не организовать кадры «белых агитаторов» из людей убежденных, честных, талантливых, изнывающих от вынужденного бездействия?.. Почему не вербовать священников на роль «политических миссионеров», возложив на них миссию распространителей честных, отрезвляющих идей, составляя для них примерные программы речей для избежания церковно-назидательного стиля, набившего оскомину у народа и для него непонятного?»⁷

Идеологи сибирской контрреволюции начинают понимать, что для того, чтобы народ сам дошел до неприятия большевизма потребуются значительный период времени, которым они не располагали. «Чтобы поднять ее (деревню. – *Д.Ш.*) до понимания всего, что совершается, – признавали «Военные ведомости» 21 июня 1919 г., – нужен долгий и трудный путь не только образования умственного, но и путь воспитания, воспитания целого ряда общественных привычек, навыков, ставших для культурного европейца *бессознательными* (выделено в тексте. – *Д.Ш.*), целого ряда моральных, эстетических и, даже просто, органических потребностей»⁸. Еще более пессимистический вывод они сделали 17 июля: «При той темноте народных масс, какая констатируется всеми у нас в

России, чрезвычайно трудно поднять эти массы до высоты сознания всемерной борьбы с большевизмом»⁹.

Поэтому в прессе стал подниматься вопрос о необходимости мер «морального воздействия», способных, по ее мнению, обеспечить видимый результат в короткий срок.

Одним из эффективных средств сибирские газеты называли умелого использование устного и печатного слова. Так, в статье с характерным названием «Свет в казарме» некто В. Абрамович писал: «Истина, что с врагом следует бороться его же оружием, давно известна и безусловно бесспорна. И если мы примем в соображение, что враг наш деятелен и энергичен, как искушение и тлен, что в числе орудий, употребляемых им против права и справедливости, с которыми он борется с такой сатанинской настойчивостью, едва ли не первое место занимает слово, слово живое и слово печатное... то мы получим ясное представление того, какое орудие надо приготовить нам в борьбе с нашим врагом, куда должны быть направлены наши усилия, чтобы создать для армии надежную броню против предательских ударов врага»¹⁰.

А М. Васильев на страницах «Восточного курьера», полемизируя с известным эсеровским деятелем Б. Савинковым, утверждал: «Знаменитый герой русской революции отводил... действенности слова, действенности пропаганды второстепенное место в ряду прочих побуждающих факторов»¹¹. Между тем все знают, что погубило армию именно *слово* (выделено в тексте. – Д.Ш.)... Само собой разумеется, что на одном слове далеко не уедешь. Всякому ясно, что для увеличения боеспособности армии нужно и боевое снаряжение, одежда, пища, выучка, дисциплина. Но нужно и слово! В трудные минуты уныния, отчаяния, усталости умело сказанное, талантливое слово может сделать воистину чудеса»¹².

Тот же Васильев высказал мысль о том, что значение слова чрезвычайно возрастает именно в ситуации Гражданской войны, когда «вовсе нет мирных граждан» и «каждый из нас, как бы не был он нейтрален и аполитичен... все-таки красный или белый». Но так как «...громадные массы населения не принимают в войне активного непосредственного участия, то они и создают, или по крайней мере должны создавать ту психическую атмосферу, которая должна быть насыщена жаждой победы, уверенности в ней. Мы, воины гражданственности, должны проникнуться сознанием опасности момента и горячей веры в правоту своего дела. И такую атмосферу может создать яркое, убеждающее, всепроникающее слово, иначе говоря, пропаганда».

В этой ситуации идеологический аппарат Колчака стремился противопоставить большевистской пропаганде собственную контрпропаган-

ду. «Чтобы избежать ошибок прошлого и обеспечить себя от грубых промахов в будущем, – писала в августе 1919 г. одна из сибирских газет, – надо научиться смело и открыто смотреть правде в глаза. Мы должны смело, открыто признать, что в тяжелых неудачах последнего времени едва ли не решающее значение имела крайне неудовлетворительная постановка в армии и тылу дела пропаганды здоровых государственных идей и осведомления населения и войск об истинном характере происходящих событий»¹³.

Даже представители правой прессы были вынуждены признать, что большевистская пропаганда, наряду с гигантскими расходами, приносит свои реальные вполне ощутимые результаты. «Одновременно с успехами на Уральском фронте, – отмечала кадетская «Сибирская речь», – большевики усилили свою агитацию в глубоком тылу. В разных местах Сибири им удалось вызвать ряд восстаний, направленных к отвлечению от боевой работы части воинских сил, к разрушению административного аппарата, повреждению железнодорожного полотна, станций и мостов»¹⁴.

Связь «психологической» войны и конкретных боевых действий, носившая до этого несколько абстрактный характер, становится для колчаковских пропагандистов очевидной, зримой и осязаемой, и этот факт вызывает некоторое потрясение. В прессе начинает превалировать устойчивое мнение, что успех большевиков зиждется исключительно на умело организованной ими агитации. Роль коммунистической пропаганды абсолютизируется, она представляется inferнальной, разрушительной силой, но, в то же время, вездесущей и всемогущей. Газеты того времени буквально пестрели сообщениями о реальных и мнимых происках красных лазутчиков-provokаторов. Распространение любой антиправительственной информации приписывалось деятельности большевистских агитаторов.

Как неотъемлемая составная часть коммунистической пропаганды рассматривались разнообразные слухи, имевшие, по мнению деятелей сибирской контрреволюции, «провокационный», то есть направленный на подрыв колчаковского режима, характер. «Провокация, – разъясняла газета «Надежда России», – есть ложное, обманное сообщение, которым враги государства стараются ввести общество в заблуждение ради своих интересов. К этому средству особенно прибегают большевики. Там, где не берет сила, они направляют своих агентов, чтобы сеять среди населения слухи, выгодные только большевикам. Такие «агенты» забираются и к нам, в наши города и деревни. Притворяются истинными русскими гражданами, говорят иногда приятные вещи, а потом вдруг и пустят такой слух, который вызывает часто испуг или уныние»¹⁵.

Признавалось явное превосходство коммунистической пропаганды и откровенное бессилие собственных информационно-осведомительных органов Колчака. Эта тенденция прослеживается как в официальных документах, так и в прессе. «Пропаганда большевистских идей, – указывалось в докладе белой контрразведки, – ведется не только подпольным путем, но и открыто... Им удалось внушить почти всем слоям населения веру в огромную силу и непоколебимость большевизма и полное бессилие нашей власти». Газета же «Русский голос» прямо заявляла: «Главной причиной существования до сих пор большевистской власти служит очень сильная и широкая агитация среди населения и красноармейцев агентами их строя. Они не жалеют и не останавливаются ни перед какими деньгами, лишь бы только вдолбить в голову своим красноармейцам и гражданам, живущим на их территории, всякие верные и неверные сведения, как о себе, так и об их врагах»¹⁶.

Причина эффективности коммунистической пропаганды виделась идеологам сибирской контрреволюции, главным образом, не столько в содержательной (и это вполне понятно), сколько в технической стороне, ее массовости и оперативности, которые собственно и вызывали зависть и восхищение колчаковских пропагандистов. Как констатировала газета «Друг армии и народа», «одновременно с обильным снабжением снарядами и патронами, большевистский фронт засыпается прокламациями, воззваниями, газетами и брошюрами. Каждая, даже самая незначительная воинская часть получает аккуратно и, главное, *своевременно* (выделено в тексте. – Д.Ш.) газету, написанную простым, понятным солдату языком. Приехавший на днях с фронта офицер рассказывал нам, что одна деревня Челябинского уезда три раза переходила из рук в руки, причем оставалась в руках противника не более суток и, тем не менее, наши каждый раз находили в ней свежий экземпляр газеты».

Сами понятия «агитация» и «пропаганда», до этого употреблявшиеся исключительно в уничижительном значении, чаще всего в сочетании со словом «большевистская», начинают терять свой негативный оценочный компонент. «Война у нас гражданская. Решающее значение имеет сознание и настроение масс. А массовое сознание и настроение создается пропагандой», – писала в сентябре 1919 г. газета «На страже свободы». Другое военное издание утверждало еще более категорично: «Разложение духа красной армии может быть достигнуто широко и правильно организованной пропагандой»¹⁷. Как видно из контекста, оба понятия использовались в «инструментальном» значении, в том смысле, что они могут применяться и той, и другой стороной.

Вслед за «реабилитацией» понятий в периодической печати изменятся и само отношение к большевистской пропаганде. Из мишени она превращается в объект для сравнения, причем зачастую не в пользу идеологического аппарата Колчака. Так, газета «На страже свободы» заострила внимание на техническом превосходстве большевиков. «Если любому человеку каждый день твердить одно и то же, – говорилось в одной из статей, – то он поневоле начнет верить, что бы ему не говорили. За примером далеко ходить не нужно, стоит только посмотреть на постановку этого дела в красной армии и является мысль: «Вот нам бы следовало у них поучиться». Классные поезда, чуть ли не из пульмановских вагонов, ежедневно курсируют у них по фронтам и развозят сотни пудов газет, прокламаций и обращений. Великолепно оборудованные типографии, в этих же поездах при помощи электричества, вновь выбрасывают сотни тысяч экземпляров могучего средства пропаганды. Результаты получают блестящие, нечего и говорить»¹⁸.

М. Васильев из «Восточного курьера», в свою очередь, придавал большое значение использованию языковых средств. «У красных, – констатировал он, – пропаганда ведется более деятельно, с налетом юмора, с задорностью, с хлесткостью жаргона, который заинтересовывает, вызывает улыбку и очень легко запоминается». А в омской «Надежде России» была опубликована заметка одного беженца из Советской России, в которой проскальзывало откровенное восхищение пропагандистским талантом большевиков. «И нужно сказать по справедливости, – писал ее автор, – что агитация, пропаганда у большевиков ведется неутомимо, деятельно. Просто даже иногда удивляешься, насколько они изобретательны и изворотливы на этом пути... Чуть не в каждом городе у них имеются агитаторские курсы, выпускающие тысячи бойких, речистых, «нашпигованных» всякой советчиной «товарищей», проникающих в самые глухие места необъятной России». Особое внимание автор заметки обратил на разнообразие пропагандистских приемов, их гибкость и мобильность. «Когда большевики заметили, что ихние митинги и собрания надоели народу и не стали привлекать публику, – подметил он, – они пустились на всякие ухищрения. То затеют какую-нибудь процессию с флагами, с плакатами, с пением и чуть не на каждом квартале – речи; то выдумают какие-нибудь торжественные похороны «товарища»: возят его тело по всему городу с музыкой, пением, стрельбой и опять речи на каждом перекрестке; то устроят какой-нибудь «народный праздник», вроде 1 мая... И народ идет на эти торжества, на эти «представления», как у нас говорили, слушает красных ораторов, несмотря на полное несогласие с ними, и, кто знает, может быть даже соглашается с ними...»¹⁹.

Автор статьи «Будем учиться у врагов», опубликованной в «Сибирской речи», приводя известные слова Петра I: «Пью за здоровье наших учителей – шведов!», сказанные им после Полтавской битвы, усматривал в этом историческом случае прямую аналогию с современной ему ситуацией. «Как шведы в области искусства военного, – отмечал он, – так и большевики в деле пропаганды своих сумасбродных идей, достигли высокого совершенства и нам не мешает у них усердно учиться, если мы хотим их победить»²⁰.

Таким образом, на протяжении лета–осени 1919 г. в отношении белых к «пропаганде» произошел определенный сдвиг. Поначалу интерпретируемое как синоним «провокации», с неизменным эпитетом «большевистская», понятие «пропаганда» со временем все больше утрачивает приписываемые ему негативные смыслы, приобретая значение средства, пригодного как той, так и другой стороне).

---

¹ Кенез П. Идеология белого движения // Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994. С. 268.

² Сибирская речь (Омск). 1919. 24(11) авг.

³ Надежда России (Новониколаевск). 1919. 23 июля.

⁴ Русская Армия (Омск). 1919. 24 мая.

⁵ Надежда России. 1919. 26 окт.

⁶ Сибирская речь (Омск). 1919. 23 (10) авг.

⁷ Восточный курьер (Чита). 1919. 12 окт. (29 сент.).

⁸ Военные ведомости (Новониколаевск). 1919. 21 июня.

⁹ Военные ведомости. 1919. 17 июля.

¹⁰ Военные ведомости. 1919. 29 авг.

¹¹ В одном из первых номеров газеты «Речь» Б. Савинков писал: «Ошибаются те, которые полагают, что армию можно вести в бой только словом».

¹² Восточный курьер. 1919. 12 окт. (29 сент.).

¹³ Сибирская речь. 1919. 24 (11) авг.

¹⁴ Сибирская речь. 1919. 23 (10) авг.

¹⁵ Надежда России. 1919. 26 окт.

¹⁶ Русский голос (Томск). 1919. 31 (18) окт.

¹⁷ Друг армии и народа (Б. м.). 1919. 1 июля (18 июня).

¹⁸ На страже свободы (Б. м.). 1919. 23 сент.

¹⁹ Надежда России. 1919. 4 сент.

²⁰ Сибирская речь. 1919. 26 (13) авг.